

Аргентинский радикализм: проблемы и суждения.

У движения радикалов в Аргентине долгая и бурная история. Вот уже второе столетие Гражданский радикальный союз (ГРС), или радикальная партия, составляет существенную часть «ткани» аргентинской истории, а до появления в середине 1940-х годов массового перонистского движения радикализм являлся самой распространенной и влиятельной силой в политической жизни страны.

ГРС вырос из широкого оппозиционного движения 1890 г. и конституировался в партию в 1891 г. на принципах непримиримости к олигархическому режиму. В конце XIX – начале XX вв. радикальная партия возглавила борьбу за установление в Аргентине политической демократии. закон 1912 г. о всеобщем избирательном праве открыл радикалам путь к власти и на выборах 1916 г. лидер ГРС И.Иригойен был избран президентом Аргентины.

Пребывание радикалов у власти в 1916–1930 гг. стало временем господства в Аргентине демократического режима, а реформаторская деятельность президента Иригойена (1916–1922) и (1928–1930) — самого популярного до Х.Д.Перона политического деятеля — наиболее важной вехой в истории радикализма.

В первые десятилетия XX в. Аргентина не знала себе равных в Латинской Америке по темпам экономического роста и имела душевой доход, сравнимый с наиболее развитыми государствами мира. Казалось, что страна окончательно преодолела латиноамериканское наследие: путчи и диктатуры, обретя уважение мирового сообщества.

Военный переворот 1930 г. сверг правительство Иригойена и стал прологом к реставрации олигархического режима, а мировой экономический кризис 1929–1933 гг. положил начало экономическому упадку Аргентины.

Что же произошло с некогда наиболее развитой и богатой страной Латинской Америки? В чем причина аргентинского упадка или, как говорят, «чуда аргентинской слаборазвитости»? Какую роль сыграли правительства радикалов в наступлении кризиса? Вопрос о роли радикалов в историческом развитии Аргентины не мог не стать предметом острой идейно-политической борьбы и ис-

ториографических дискуссий. В центре внимания историков — вопросы об исторических корнях радикализма, условиях прихода к власти, его классовой сущности, политике радикальных правительств.

* * *

Аргентинский радикализм не сразу стал предметом специального изучения. В первой половине XX в. он рассматривался в общих работах по истории Аргентины. Прежде всего это касалось главного направления в тогдашней историографии — традиционалистского во главе с Р.Левене¹. Традиционалисты являлись продолжателями классической либерально-позитивистской школы Б.Митре и В.Ф.Лопеса — крупнейших аргентинских историков XIX в. Как и их учителя, традиционалисты считали образцом для Аргентины передовые страны Западной Европы и США. Тесная интеграция Аргентины с этими странами, по их мнению, стала залогом преодоления отсталости и превращения Аргентины в новые Соединенные Штаты Южной Америки.

Для историков либерального направления носителями подлинно национальных традиций выступали борцы за прогресс страны, руководители освободительной борьбы — М.Морено, М.Бельграно, Х.Х.Кастельи, Б.Монтеагудо, Х. де Сан Мартин; первый президент Аргентины Б.Ривадавия, попытавшийся провести аграрную реформу. Символом всего отсталого, «варварского» были Х.М.Росас и другие каудильо, использовавшие невежество масс для установления кровавой диктатуры. Диктатура Росаса 1835–1852 гг. покончила со многими завоеваниями Майской революции 1810 г. и стала для либералов антитезой прогресса. Принявшее «эстафету Мая» поколение 1837 г. — Э.Эчеверриа, Х.Б.Альберди, Д.Ф.Сармиенто, Б.Митре и др. — возглавило борьбу против диктатуры. свержение Росаса в 1852 г. и принятие в 1853 г. либеральной конституции вернуло страну на путь прогресса.

Какое место в этой исторической схеме отводилось радикалам? Прежде чем перейти к рассмотрению исторического места радикалов в построениях либеральной историографии, необходимо охарактеризовать их теоретико-методологические взгляды. Для традиционалистов характерно было ограничение объекта исторических исследований, как правило, политической сферой. История рассматривалась ими главным образом с точки зрения этико-политических категорий, что вело к практически полному игнорированию изучения социально-экономических процессов, классовой

борьбы. На аналогичных теоретико-методологических позициях стоял английский историк Ф.А.Киркпатрик, автор опубликованной в 1931 г. «Истории Аргентинской республики»².

Традиционалисты отводили радикализму важное место в национальной истории, рассматривая его как веху в прогрессивном развитии страны. Если поколение Майской революции 1810 г. завоевало независимость, поколение 1853 г. выработало конституцию, а поколение 1880 г. осуществило экономический подъем страны, то появившееся вслед за ним поколение боролось за духовное и моральное величие Аргентины, за установление демократии, которая наступила с принятием в 1912 г. закона Саенс Пенья о всеобщем избирательном праве. Р.Левене видел содержание этого периода в борьбе революционного духа масс, проявившегося в восстаниях 1874, 1880, 1890, 1893 и 1905 гг., с централизмом который мешал им осуществлять избирательное право. Крайнюю централизацию власти Р.Левене объяснял необходимостью борьбы с продолжавшейся анархией, что означало отрицание свободных выборов³.

Первопричину возникновения ГРС Р.Левене и Ф.А.Киркпатрик усматривали в отсутствии свободных выборов. радикализм в их трактовке — это прежде всего движение за избирательную реформу, которой радикалы добивались как путем агитации, так и вооруженной борьбы, постоянно бойкотируя выборы. Если Р.Левене воздерживался от оценки тактики радикалов, то Ф.А.Киркпатрик считал, что радикальной партии следовало придерживаться менее насильственной политики и следовать более эффективным курсом вместо того, чтобы рассматривать избирательную реформу как самоцель. Он сравнивал основателя ГРС Л.Алема с другим деятелем движения — А. дель Валье, который стремился к демократии не на пути революции, а эволюции. Симпатии Киркпатрика целиком на стороне последнего, более уравновешенного, способного к компромиссу, «нежели неистовый агитатор Алем — сторонник бескомпромиссной оппозиции»⁴.

Р.Левене и Ф.А.Киркпатрик высоко оценивали избирательную реформу 1912 г. Киркпатрик называл ее революцией сверху, продолжением Майской революции 1810 г.⁵ Левене читал, что закон 1912 г. устранил политическую олигархию и символизировал консолидацию демократии, «вытащив радикалов из вредного и опасного самоотречения»⁶. Оба историка рассматривали приход радикалов к власти как позитивный акт. Киркпатрик полагал, что они

не оправдали надежд своих сторонников начать «плодотворный период прогресса и конструктивного либерализма»⁷. Он связывал это с личностью лидера радикалов И.Иригойена, возглавившего после смерти Л.Алема ГРС, которого отличал авторитарный стиль руководства и отсутствие конкретной программы. Напротив, Левене обращал внимание на стремление Иригойена решить социальные проблемы, урегулировав отношения между трудом и капиталом; его политике защиты аргентинской нефти от иностранных монополий; успехах в области народного образования и университетской реформы⁸. Говоря о внешней политике Иригойена — нейтралитете во время первой мировой войны, выходе из Лиги Наций — Левене никак не комментировал эти шаги аргентинского президента, в то время как Киркпатрик отмечал, что нейтралитет Иригойена был в интересах Аргентины⁹.

В отличие от Левене, который указывал на причины падения Иригойена — его преклонный возраст, коррупцию в администрации, начавшийся экономический кризис¹⁰. Киркпатрик по существу обходит этот вопрос, считая, что события государственного переворота 1930 г. еще слишком свежи, чтобы их исследовал историк¹¹. По мнению Левене, события 1930 г. принципиально не изменили политический строй в Аргентине, в которой избирательный закон 1912 г. гарантировал начало новой политической эры¹².

Несмотря на военный переворот 1930 г. традиционалисты были убеждены в великом будущем Аргентины — молодой страны, которой, по словам Киркпатрика, «самой природой предназначено быть местом великой цивилизации европейского характера»¹³.

Начавшийся на рубеже 1930-х годов структурный кризис развеял надежды на великое будущее Аргентины в рамках либеральной модели и вызвал пересмотр истории страны с антилиберальных националистических позиций. Первые попытки ревизовать либеральное понимание национальной истории были предприняты еще в конце XIX — начале XX вв. Однако «школа ревизии» аргентинской истории сложилась в 30–60-е годы. «Исторический ревизионизм» стал проявлением структурного кризиса в области исторического знания.

Первым оформилось в 30-е годы правонационалистическое течение исторической мысли — Р.Ирасуста и Х.Ирасуста, Ф.Ибаргурен и К.Ибаргурен, Э.Паласио, Х.М.Роса и др. Этот вариант «исторического ревизионизма» явился реакцией на кризис со стороны некоторых групп аграрной олигархии. В дальнейшем их

тезисы, сформулированные в 30-е годы, были восприняты руководством возникшего в середине 40-х годов перонистского движения. «С утверждением перонистов у власти на позиции исторического ревизионизма» по целому ряду вопросов колониальной истории и войны за независимость перешли ряд представителей традиционалистской школы, возглавлявшие Академию истории – Р.Левене, Э.Равигнани, Д.Молинари. Это дало повод аргентинскому марксисту Б.Марианетти говорить о «ревизионизме Академии истории».

Новое направление не скрывало своей крайней политизированности. Подчеркивая это, Х.Ирасуста писал: «Тот, кто занимается написанием истории, почти неизбежно должен быть вовлечен в политику. Всякому, кто не занимает определенную позицию в политике страны, трудно понять ее историю»¹⁴. По мнению «исторических ревизионистов», нужно было заново написать историю Аргентины, поскольку официальную историю написали победители при Касерос¹⁵, которые старались оправдать свои действия, а не дать объективное изложение событий.

Центральное место в мировоззрении «исторических ревизионистов» заняло понятие «архентинидад» — аргентинского стиля «образа жизни»¹⁶. По их мнению, «архентинидад» сформировался исключительно на базе испанских традиций, став наиболее полным выражением «испанидад», испанской цивилизации в Латинской Америке, в создании которой решающую роль играла католическая религия. Все события национальной истории рассматривались ими с точки зрения их соответствия «архентинидад».

Майская революция 1810 г. либо объявлялась актом измены «испанским традициям», либо смысл этого события искажался. Так, многие «исторические ревизионисты» отказывались признать за освободительным движением революционный характер¹⁷. Большинство из них считало, что после Мая борьбу за сохранение и упорочение независимости вели каудильо во главе с Росасом.

В концепции «исторических ревизионистов» Росас стал истинным выразителем «национального». Именно федералисты — сторонники Росаса, а не либералы-унитарии являлись партией независимости. При Росасе Аргентина была единой и процветающей страной. Все изменилось после Касерос.

Свержение Росаса в 1852 г. и поражение местных каудильо в борьбе с центральной властью в 60–70-е годы XIX в. сыграли, по мнению «исторических ревизионистов», пагубную роль в даль-

нейшем развитии Аргентины. Пришедшие к власти либералы начали проводить политику сознательного искоренения «истинно национальных традиций» и превратили Аргентину в «инострannую колонию»¹⁸.

Если либералы являлись олицетворением антинациональной политики, то зародившееся в недрах либерализма движение радикалов призвано было, по мысли «исторических ревизионистов», вернуть Аргентину на путь независимого национального развития.

Наиболее обстоятельно вопрос об историческом месте радикализма разработал Е.Паласио. В его трактовке радикалы – наследники федералистов, которые боролись за восстановление свободных выборов¹⁹. Ранее, характеризуя правление Росаса, Паласио утверждал, что его власть основывалась на всеобщем избирательном праве, а сам «Реставратор законов»²⁰ был республиканцем и демократом²¹. Таким образом, вопреки очевидным фактам устанавливалась историческая преемственность между Росасом и радикалами.

Рассматривая приход Иригойена к власти как начало национального возрождения, Паласио вместе с тем не приемлет его мирного характера, утверждая необходимость насильственного захвата власти. То, что Иригойен не пошел на государственный переворот, Паласио считал одной из наиболее серьезных ошибок, совершенных в аргентинской политике, которая явилась источником последующих зол²². Останавливаясь на деятельности правительства радикалов, которая, по его словам, была «очевидной демонстрацией национального возрождения»²³, Паласио особо выделяет рабочую политику Иригойена, благодаря которой рабочее движение «национализировалось», уйдя из-под «влияния красных, до этого преобладающего»²⁴.

Преувеличением влияния левых сил в рабочем движении, наряду с другими причинами, Паласио пытался оправдать свержение Иригойена и собственное участие в перевороте генерала Ф.Урибуру. В конце 1920-х годов Паласио вместе с братьями Ирасуста основали еженедельник «Нуэва република», со страниц которого, вдохновляясь примером итальянского фашизма, ратовали за создание вокруг Урибуру массового националистического движения. Спустя четверть века Паласио пытался поставить знак равенства между целями этого движения и устремлениями радикализма. Явной исторической фальсификацией стало его утверждение, что «Урибуру должен был... завершить революцию, которую ожидали от радикалов»²⁵, но которая не состоялась «из-за дряхлости Ири-

гойена и бездарности его последователей, допустивших крен в сторону левой демагогии»²⁶.

В отличие от большинства историков-«ревизионистов» Э. де Гандия вел пересмотр аргентинской истории с «неолиберальных» позиций. Свою философию истории Гандия изложил в специальной работе «Ревизия аргентинской истории». Для Гандии история это прежде всего история идей, без которых материальная история мертва. Движущей силой истории является борьба идей. В основе истории лежит главная идея — национализм, понимаемый как долг следовать судьбе, которую предопределило «прошлое, наша история, идеал, сделавший из нас то, чем мы ныне являемся»²⁷. «Наш национализм — провозгласил Гандия, — есть испанский либерализм»²⁸.

С этих позиций Гандия подходит к анализу национальной истории в своем продолжении «Истории Аргентинской республики» В.Ф.Лопеса. С либералами-традиционалистами его роднит неприятие диктатуры Росаса и высокая оценка деятелей войны за независимость, Ривадавии, унитариев. Но он расходится с ними в оценке колониального периода и войны за независимость. По мнению Гандии, либералы-традиционалисты фальсифицировали национальную историю, но сделали это из патриотических, воспитательных целей»²⁹.

Весь период от достижения независимости до принятия конституции 1853 г. Гандия трактует как борьбу идей либерализма и абсолютизма. Олицетворением последних был Росас и другие каудильо. По словам Гандии, Росас индикатор того, что есть «архентинидад» и что есть «антиархентинидад». «Архентинидад» — это оппозиция Росасу, а «антиархентинидад» — его защита³⁰. Лучше всего «архентинидад» выражали либералы. Падение Росаса вернуло Аргентину ко временам Ривадавии. То, что не смог сделать Ривадавия, сделал Митре. «Митре дал последний толчок строительству нашей родины и говорить Митре в аргентинской истории значит говорить: здесь завершилось 25 Мая»³¹.

Гандия целиком оправдывает эпоху после Росаса. Либеральная политика принесла величие и богатство Аргентине. Отсутствие свободных выборов он объясняет невежеством масс, что вынудило либералов их ограничить, чтобы не повторять ошибок прошлого, когда массы поддерживали Росаса³².

Что же было не так, какие причины привели к образованию радикальной партии? По утверждению Гандии, главной причиной

стал постепенный отход правителей от либерализма и их превращение в элиту, «закрытый аристократический класс». Против него и боролся радикализм, который появился как «реакция на административные пороки правительства»³³.

Отношение Гандии к Иригойену двойственное. С одной стороны, он отдает ему должное как борцу за демократию. «Иригойен сделал возможным для аргентинского народа свободу голосования»³⁴. Гандия характеризует Иригойена как, «вне всякого сомнения, патриота»³⁵. В то же время он проводит параллель между лидером радикалов и Росасом. «Как и Росас, он требовал абсолютного подчинения и, когда стал президентом, был самодержцем»³⁶. Для Гандии очевидны причины поражения Иригойена. Это кризис, коррупция, административный хаос, что вынудило военных пойти на союз с консерваторами и «навести порядок»³⁷.

Реакция средних слоев на структурный кризис породила еще одну разновидность «исторического ревизионизма». У ее истоков стояли деятели ФОРХА — «Сила радикальной ориентации молодой Аргентины». Р.Скалабрини Ортис и А.Хауретче — возникшее в 1935 г. объединение молодых радикалов, ставившее своей целью возврат к идеалам Иригойена, которым изменило, по их мнению, тогдашнее руководство ГРС. С возникновением перонистского движения многие члены ФОРХА влились в его ряды. Х.Д.Перон постоянно подчеркивал преемственность между своим движением и «историческим радикализмом, объявляя себя продолжателем дела Иригойена по защите национальных интересов страны».

«Поворот влево» перонистских масс, начавшийся на рубеже 50–60-х годов, явился решающим фактором эволюции перонизма. Главным проявлением «левого поворота» стал рост патриотических и революционных течений в перонизме, продолжавших выступать под знаменем «хустисиализма». В историографии это проявилось в складывании нового направления — «национальной левой», в котором выделялись социологи и историки из лагеря перонистов — Э.В.Астесано, Х.Х.Эрнандес Арреги, бывший деятель аргентинской компартии Р.Пуиггрос, а также националисты-троцкисты — Х.Абелярдо Рамос и Х.Э.Спилиберго.

«Национальная левая» видела главную особенность аргентинской революции в ее национальном характере. Такой вывод прямо вытекал из их признания зависимого положения Аргентины в мировой капиталистической системе. Исходя из этого, они считали, что субъектом революции должно быть многоклассовое национа-

листическое движение. Классическим образцом такого рода движения объявлялся перонизм. Подобное движение представляло собой аналог «национального общества», в то время как другие партии и движения трактовались как идейно-политическое выражение «иностранины» в жизни страны³⁸.

Как и другие участники идейно-политической борьбы «национальные левые» испытывали потребность в опоре на историческое наследие родственных им сил в прошлом, в историческом оправдании своих доктрин и политических программ.

Где же «национальные левые» искали своих предшественников? Левонационалистический вариант «исторического ревизионизма» исходил из признания решающей роли трудящихся масс в аргентинской истории и считал «истинно национальными» традиции революционной борьбы этих масс за независимое развитие. По мнению левонационалистических историков, аргентинский пролетариат принял в 1945–1955 гг. историческую эстафету от борцов за независимое развитие XIX в., которыми в их представлении были массы гаучо во главе с федеральными каудильо. «Мертвый гаучо превратился в революционный класс», — так резюмировал Х.Х.Эрнандес Арреги суть взглядов левых перонистов на проблему исторической преемственности аргентинских революционных традиций³⁹.

В рамках концепции «национальной революции» левые подходили и к анализу исторической роли радикализма.

Для Х.Абелярдо Рамоса и Х.Э.Спилимберго аргентинская история — постоянная борьба между революцией и контрреволюцией, национальными интересами и олигархией. После Касерос их олицетворением стали соответственно президенты Х.А.Рока и Б.Митре — вопреки очевидному факту принадлежности их обоих к олигархии. В построениях националистов-троцкистов Рока осуществил «национальную революцию 1880 г.» и «рокизм» был «демократическим национализмом»⁴⁰. напротив, Митре — «наиболее представительная фигура олигархии»⁴¹, митристы — «наиболее реакционная и коррумпированная группа олигархии»⁴², «митризм — непосредственный предшественник, — по словам Абелярдо Рамоса — антинациональной идеологии нашего времени и ее историческое оправдание»⁴³.

Эти взгляды легли в основу объяснения происхождения радикализма. По мнению Х.Абелярдо Рамоса, существовало два радикализма. Один из них он связывал с Л.Алемом (алемизм). Второй

— с И.Иригойеном (иригойенизм). Алемизм был «народным придатком митризма»⁴⁴, а иригойенизм — «народным крылом рокизма»⁴⁵. В трактовке Х.Абелярдо Рамоса и вслед за ним Х.Э.Спилимберго в радикализме с момента его возникновения присутствовали оба начала: национальное и антинациональное. Национальное восторжествовало с приходом к руководству ГРС Иригойена. Иригойенизм стал национальным движением масс, а Иригойен — «буржуазный националист, помещик-скотовод провинции Буэнос-Айрес — «народным каудильо»⁴⁶.

В представлении Х.Абелярдо Рамоса Иригойен был политиком переходного периода. Он выражал интересы среднего класса и зачатков промышленной буржуазии, но в то же время никогда не порывал с олигархией. Он пытался поставить преграду империалистическому проникновению, не затрагивая основ его господства. Отсутствие у радикалов цельной идеологии Х.Абелярдо Рамос объяснял незрелостью классовой структуры аргентинского общества, отсутствием сложившейся промышленной буржуазии, что придало «народному национализму» Иригойена оборонительный характер⁴⁷. По его словам, поднятое Иригойеном знамя национальной революции могло нести дальше лишь новое национально-демократическое движение с рабочим классом в качестве главного действующего лица. Такое движение — перонизм — возникло лишь спустя 15 лет после падения Иригойена⁴⁸, когда согласно Х.Абелярдо Рамосу и Х.Э.Спилимбергу появился промышленный пролетариат⁴⁹...

Историки «национальной левой» перенесли акцент с внешних на внутренние причины падения Иригойена, рассматривая поражение радикалов как прежде всего результат глубокого кризиса самого радикализма. По их мнению, внешние причины военного переворота 1930 г. — мировой экономический кризис, попытка Иригойена национализировать нефть, оппозиция его политике как справа, так и слева — лишь затемнили главную, более глубокую и истинную причину, которая заключалась в том, что, по словам Х.Абелярдо Рамоса, «Иригойен иссяк, его время кончилось и традиционный радикализм пришел к своему концу»⁵⁰. Он решительно не согласен с теми, кто искал причины свержения Иригойена в его личной слабости и нерешительности. Напротив, Иригойена, согласно Х.Абелярдо Рамосу, «всегда отличала ясность цели и скрупулезность в делах, его интересовавших. Бездействие появлялось

тогда, когда речь шла о проблемах, ставивших под вопрос основы агроэкспортной экономики»⁵¹.

В трактовке Р.Пуиггроса «иригойенизм появился в апогее капиталистической колонизации и прекратил свое существование с ее завершением»⁵². Падение Иригойена он объяснял «неспособностью иригойенизма преодолеть либерализм и повести страну в новый, более высокий этап народного национализма»⁵³. В отличие от Х.Абелярдо Рамоса и Ж.Э.Спилимберго, которые относили возникновение промышленной буржуазии и пролетариата к 30–40-м гг. XX в., Р.Пуиггрос не отрицал их формирование в конце XIX – начале XX в., рассматривая ГРС времен Иригойена как партию национальной буржуазии (средние капиталистические помещики и промышленная буржуазия), которая привлекала в свои ряды широкие слои мелкой городской и сельской буржуазии и рабочего класса. Иригойенизм, согласно Р.Пуиггросу, возник как восстание этих классов против олигархического режима, ставшего несовместимым с обществом, в котором капиталистическая колонизация произвела глубокие изменения⁵⁴. Однако иригойенизм был политической партией непоследовательной и колеблющейся буржуазии в зависимой от империализма стране. Буржуазным характером иригойенизма Р.Пуиггрос объяснял его неспособность вести последовательную борьбу за национальное освобождение, хотя и считал, что политика Иригойена ориентировалась в сторону достижения экономической независимости⁵⁵.

Явным преувеличением степени зрелости аргентинского общества для демократической революции в 20-е годы XX в. было утверждение Р.Пуиггроса, что либеральное государство превратилось в главное препятствие для национального развития⁵⁶. С этим можно согласиться, если бы имелся в виду его либерально-олигархический вариант. Однако Р.Пуиггрос не проводил грани между ним и либеральной демократией. Напротив, вся его концепция радикализма основывалась на противопоставлении либерализма и демократии. Не случайно поэтому он практически полностью обошел вопрос о корнях радикализма и его раннем этапе, связанном с именем Л.Алема.

Левонационалистические историки направляли острие своей критики против марксистско-ленинской концепции исторического развития Аргентины, обвиняя компартию в механическом повторении опыта европейского революционного движения в качественно отличных условиях Аргентины, в непонимании ортодок-

сальными марксистами исторической роли массовых националистических движений: сначала иригойенизма, затем перонизма. Так, Х.Абеялардо Рамос и Р.Пуиггрос посвятили специальные работы критическому разбору позиции КПА и Коминтерна в отношении иригойенизма⁵⁷. Верно указывая на ошибочные оценки иригойенизма КПА в 20-е годы XX в., от которых коммунисты позднее отказались, они вместе с тем обходили полным молчанием тот факт, что именно Коминтерн и компартия первыми из левых сил выдвинули в 1928 г. положение об антиимпериалистическом и антиолигархическом характере будущей революции в Аргентине, о том, что еще в начале 1890-х годов первые аргентинские марксисты призывали к союзу с радикалами в борьбе с олигархическим режимом.

С момента возникновения рабочего движения в Аргентине в конце XIX в. перед его организациями встала проблема как вести себя по отношению к буржуазным радикалам. В отличие от анархистов, отрицавших всякое участие пролетариата в буржуазной политике, социалисты отвергали, как нелепую, мысль что рабочим не нужна буржуазная политическая свобода. Вместе с тем в социалистическом движении не было единого мнения о путях борьбы за политическую демократию.

Марксистское крыло во главе с Г.А.Ламманом, группировавшееся вокруг первой марксистской газеты «Эль Обреро» (1890–1892), предприняло попытку соединить научный социализм с начавшимся массовым рабочим движением. По мнению марксистов 90-х гг., участие пролетариата в политической жизни страны должно быть увязано с целями общедемократической борьбы. Рабочий класс должен был стать активным участником движения за установление в Аргентине политической демократии, бороться за нее наряду с буржуазией. В этой связи они рассматривали ГРС как революционную силу, призванную преобразовать политическую систему страны в интересах капитализма. Указывая на классовую противоположность конечных устремлений радикалов и социалистов, марксисты в то же время объявляли себя самыми решительными сторонниками демократии, считая обязательным участие пролетариата в революционной борьбе буржуазии, который не должен был, однако, поступаться в ней своими классовыми интересами⁵⁸.

По-иному радикализм оценивался лидером социалистов Х.Б.Хусто. Он не признавал за радикалами революционных устремлений, не видел принципиальной разницы между консервато-

рами и радикалами. Попытки радикалов вооруженным путем свергнуть олигархические правительства рассматривались им как проявления «креольской политики» — путчи, беспринципная борьба за власть⁵⁹. В образовавшейся в 1896 г. соцпартии возобладала точка зрения Х.Б.Хусто не принимать во внимание борьбу радикалов с олигархией, что являлось частью общей социал-реформистской политики социалистов.

Возникшая в результате раскола соцпартии в 1918 г. коммунистическая партия унаследовала от социалистов резко отрицательное отношение к радикалам. В одном из первых документов компартии радикальная партия характеризовалась как консервативно-клерикальная⁶⁰. такое определение перешло в 1920-е годы на страницы советской научной периодики. Информирова своих читателей об итогах президентских выборов в Аргентине в 1928 г., редакция журнала «Международное рабочее движение» сообщала, что победил кандидат консервативной партии — Иригойен⁶¹.

В те же годы в советской научной литературе наметилась тенденция, которая исходила из того, что в момент обострения межимпериалистической борьбы национальная буржуазия может стать руководящей силой в антиимпериалистическом движении и правительства, выражавшие ее интересы, способны на значительные успехи в деле национального освобождения. Авторы этой точки зрения Г.Наумов и М.А.Танин основывались на реальных исторических фактах: попытке правительства радикалов национализировать нефть; ограничить произвол железнодорожных компаний; проводить независимую внешнюю политику⁶².

Их оппоненты также исходили из реальности: военный переворот 1930 г. сверг правительство Иригойена, радикалы без боя уступили место диктатуре Урибуру. Утвердилась точка зрения, что «национальная буржуазия Аргентины неспособна на борьбу с империализмом», что «обострение империалистического соперничества усиливает подчинение страны империализму», что «самостоятельной политики национальной буржуазии нет, так же как нет подлинной индустриализации», что правительство Иригойена проводило пробританскую политику, в подтверждение чего ссылались на англо—аргентинский торговый договор 1929 г., который «благоприятствовал только интересам Англии»⁶³.

Сложившаяся в Коминтерне на рубеже 1920–1930-х гг. концепция революции в Аргентине как буржуазно-демократической, аграрной и антиимпериалистической исходила из невозможности

революционной роли национальной буржуазии. Ее контрреволюционный характер обосновывался полуколониальным положением Аргентины, которое обусловило слабое развитие национальной буржуазии тесно связанной и с иностранным капиталом и с полуфеодалным землевладением⁶⁴, что определило и особенности партийной системы в Аргентине, наличия в ней не классовых политических партий буржуазии и помещиков, а различных буржуазно-помещичьих группировок и клик, к которым относилась и радикальная партия, хотя и признавался более "буржуазный" состав радикалов⁶⁵.

Поворот Коминтерна в середине 1930-х гг. к политике народного фронта вызвал переоценку политической роли национальной буржуазии и способствовал началу изучения истории радикальной партии.

В 1940-х гг. появились работы Л.В.Сомми, — в прошлом одного из руководителей КПА, — посвященные зарождению движения радикалов⁶⁶. Сомми отмечал революционное происхождение радикализма. Он трактовал восстание 1890 г. как буржуазную революцию, которая преследовала демократические и националистические цели. Глубинные причины революции Сомми связывал со сдвигами в развитии капитализма в стране, в появлении новых социальных сил: национальной буржуазии и пролетариата. Однако в развернувшейся вооруженной борьбе эти силы не выступили единым фронтом, что Сомми считал главной причиной поражения революции⁶⁷.

Точка зрения Сомми о революционном происхождении радикализма вызвала критику со стороны историков-марксистов. Руководитель исторических исследований компартии Л.Пасо не согласился с утверждением Сомми, что восстание 1890 г. преследовало цель замены социальных сил в руководстве государством, т.е. что это была революция. «Думать так, — писал Пасо, — было бы равнозначно признанию, что движущие силы движения окончательно дифференцировались. Факты показывают, что это не так. В 1890 г. у нас не было национальной промышленной буржуазии»⁶⁸. Не признавая за событиями 1890 г. характера революции, Пасо определял их как военно-гражданское движение, которое боролось за демократические свободы и уважение конституции⁶⁹.

Нереволюционное происхождение ГРС как в советской, так и в аргентинской марксистской историографии объяснялось особенностями становления и развития капитализма в стране. Нацио-

нально-освободительная революция, покончившая с колониальным гнетом Испании, открыла перед Аргентиной два возможных пути развития. Первый, за который выступали радикальные деятели Майской революции (М.Морено, М.Бельграно, Х.Х.Кастельи, Б.Монтеагудо) и Б.Ривадавия, вел к наиболее быстрому и полному развитию капитализма в стране. Второй олицетворялся консервативными социальными силами: крупными помещиками и торговцами. Они стремились удержать развитие в рамках унаследованной от колонии социально-экономической структуры. С победой Росаса восторжествовал второй путь, что послужило основой для последующего проникновения в страну иностранного капитала.

С приходом Х.А.Рока к власти этот путь развития стал известен как проект 80 г. Главными чертами этой модели было сохранение и развитие латифундизма — основы власти помещичьей олигархии; деформированное и неравномерное развитие экономики, в которой преимущественное развитие получил агроэкспортный сектор, сосредоточенный в латифундиях и принадлежавших иностранному капиталу мясохладобойнях, продукция которых шла на английский рынок. Аргентина попала в орбиту нового колониализма, обусловленного переходом мирового капитализма в монополистическую стадию. В развитии Аргентины феодальные отношения переплелись с капиталистическими. Старый способ производства не был разрушен, а сросся с новым, что стало причиной запоздалого и слабого развития национальной буржуазии и продолжительного сохранения зависимости⁷⁰.

Национальная буржуазия, как и мелкая буржуазия, находясь под идейным влиянием олигархии и связанная с господствующей социально-экономической структурой, не смогла обрести ясного и полного осознания своих классовых интересов. ГРС возник как выразитель интересов этих социальных сил. Социально-политическая и идейная гетерогенность радикализма обусловила ограниченность его программных целей (свобода выборов и административная мораль). Радикалы не боролись за подлинную социальную и политическую революцию. Слово «радикальный» в названии партии не отражало ее сути. Это была реформистская партия, которая стремилась лишь занять «место под солнцем» в существующем обществе⁷¹.

С избранием Иригойена президентом Аргентины открылся новый этап в политической жизни страны. Правительство перешло в руки реформистских групп аграрной и промышленной буржуазии,

мелкой буржуазии и либеральных помещиков. Правительство радикалов было либеральным, буржуазно-реформистским и прогрессивным. Однако олигархия потеряла правительство, но не власть. Несмотря на ряд частичных реформ, проведенных радикалами, позиции олигархии и империализма не были поколеблены, так как реформистские формулы неэффективны для ликвидации, хотя бы частичной, их власти. Неспособность радикализма решить коренные проблемы аргентинского общества, порожденные проектом 80 г., выдвинуть альтернативную модель, предопределили ее падение. Свержение Иригойена, не поддержанного собственной партией, означало восстановление прямой политической власти олигархии в союзе с империализмом, новый этап зависимости страны, потерю демократических прав⁷².

Приход Х.Д.Перона к власти и его стремление проводить самостоятельную политику стимулировали интерес к Аргентине в западной, прежде всего англо-американской, историографии. В 40–60-х гг. XX в. появились работы И.Ф.Ренье, Дж.Пендля, А.П.Уайтекера, Дж.Джонсона, П.Сноу, Р.Александера⁷³, в которых радикализм рассматривался как партия «среднего класса». Исследования велись в русле теории модернизации, причем процесс модернизации жестко увязывался с промышленным развитием и причины появления радикализма искали в конфликте среднего класса, связанного с торгово-промышленной деятельностью, с классом крупных землевладельцев, приверженных «традиционному порядку». Зарождение этого конфликта датировалось началом 1890-х годов, временем появления радикальной партии, которая бросила вызов господству землевладельцев и, опираясь на народные низы, попыталась изменить господствующую систему в соответствии с «современными ценностями». В такой трактовке радикальная партия представляла партией прежде всего городских средних слоев, а последующие 50 лет, вплоть до появления перонизма, проходили под знаком борьбы за власть между средним классом и землевладельческой олигархией.

Период нахождения радикалов у власти рассматривался как время господства среднего класса в политической жизни страны. Вместе с тем утверждение политической демократии не сопровождалось экономическими и социальными реформами. В течение 14 лет пребывания у власти радикалы практически ничего не сделали, чтобы стимулировать индустриализацию и диверсификацию экономики, ввести социальное и рабочее законодательство⁷⁴. Арген-

тина так и осталась слаборазвитой страной, в которой большая часть богатства находилась в руках иностранцев, а ее экономика продолжала ориентироваться на международный обмен, над которым у Аргентины не было контроля⁷⁵.

Политическая ответственность за неудачу первого демократического эксперимента возлагалась на Иригойена, его авторитарные методы руководства и неспособность объединить вокруг радикалов средний класс⁷⁶.

Более глубокие причины свержения радикалов Дж.Джонсон и Р.Александр усматривали в отсутствии союза между средним классом и рабочими, в результате чего они оказались беззащитными перед консервативной олигархией и выражавшими ее интересы военными⁷⁷. С неудачей радикалов обеспечить лидерство среднего класса ГРС потерял шанс на лидерство по крайней мере на поколение. Следующая попытка объединить средний класс и рабочих вокруг программы экономического развития и социальной реформы была предпринята Пероном⁷⁸.

Падение перонистского режима и последовавшая за этим «деперонизация» вновь выдвинули в центр политической жизни радикальную партию, провозгласившую демократическую альтернативу перонизму. В 1950-е годы появились труды историков-радикалов Г. дель Масо и Ф.Луны⁷⁹, освещавших историческую роль радикализма, политику радикальных правительств. В своей интерпретации радикализма они следовали традициям и повторяли основные программные положения партийных документов о народном и общенациональном характере ГРС. Несмотря на апологетический характер их трудов, историки-радикалы опубликовали источники для изучения радикального движения⁸⁰.

В послеперонистской Аргентине исторические исследования в ведущих научных центрах стали вестись в русле западной, прежде всего американской историографии. Большое влияние на последующее развитие аргентинской историографии оказали работы социолога Джино Джулиани⁸¹, который исследовал социальную структуру страны с точки зрения теории модернизации.

Ученики Дж.Джержмани социологи Э.Гальо и С.Сигаль подвергли пересмотру ставшую классической концепцию ГРС как партии среднего класса. Они показали, что радикальное движение представляло собой коалицию городских средних слоев и оппозиционных групп землевладельческой элиты, которые стремились завоевать власть. В их интерпретации радикализм — политический

компонент модернизации, которая шла в Аргентине после 1870 г. в результате развития агроэкспортной экономики. Они не рассматривали ее как прямолинейный процесс, настаивая на дуалистическом подходе, который учитывал бы сохранение «традиционных» остатков в рамках модернизации. Руководство ГРС контролировалось землевладельцами, а не промышленной буржуазией как в западноевропейских партиях среднего класса. Основная часть электората ГРС концентрировалась в «современных» районах с высокой долей европейской иммиграции, урбанизации и грамотности — базовых критериев модернизации⁸².

Американский исследователь П.Смит также оспорил мнение о радикалах как политическом инструменте и рупоре среднего класса, отождествляемого с национальной промышленной буржуазией. Однако в отличие от Э.Гальо и С.Сигаль, он указывал на преемственность между периодом нахождения ГРС у власти и временем господства консерваторов подчеркивая, что радикалы отождествляли свои интересы со скотоводческой аристократией, а не промышленной буржуазией, и радикальная партия не олицетворяла конфликт городских и сельских интересов⁸³.

В подтверждение своего тезиса П.Смит рассмотрел состав руководства ГРС, его социальное происхождение, а также политику правительств радикалов в отношении производства и экспорта мяса — главной отрасли агроэкспортной экономики. П.Смит не отрицал, что консерваторы были наиболее откровенными защитниками скотоводческих интересов. Вместе с тем он отмечал сильную поддержку скотоводам, которую оказывали радикалы в течение всего своего правления. Согласно данным П.Смита, 60% всех законопроектов, внесенных в пользу скотоводов на рассмотрение национального конгресса в 1916–1930 гг., исходили от депутатов-радикалов, что было в 2 раза больше, чем от консерваторов⁸⁴. П.Смит объяснял это тем, что руководство ГРС состояло из выходцев из землевладельческой аристократии и принадлежало к сельскохозяйственному обществу — главной организации скотоводов. На его членов приходилось 13 из 29 министров в правительствах радикалов⁸⁵. «В целом эта информация говорит, — делал вывод П.Смит, — что радикалы, которые рекрутировались как из высшего, так и среднего классов, идентифицировали свои интересы с землевладельческой аристократией»⁸⁶.

Наиболее обстоятельный критический анализ концепция радикализма как движения исключительно среднего класса получила в

работах английского историка Д.Рока⁸⁷. Он разделяет выводы Э.Гальо и С.Сигаль о коалиционном характере радикализма и П.Смита, что ГРС не олицетворял конфликт промышленных и аграрных интересов⁸⁸. Рок не согласен с теми, кто трактует оппозицию землевладельческой элите со стороны среднего класса по аналогии с классической борьбой в Европе между промышленниками и аграриями. Такой подход, считает Рок, подразумевает «буржуазную революцию, характерную для индустриальных стран»⁸⁹.

Свое несогласие с прежней концепцией Рок обосновывает принципиально различными путями экономического развития Аргентины и стран Запада. Если в последних сложилась индустриальная экономика, то в Аргентине — агроэкспортная. Различные экономические структуры определили и разные формы социального и политического развития. В отличие от западных стран в Аргентине средний класс не являлся промышленной буржуазией. Этот класс, делает вывод Рок, в силу аграрного характера аргентинской экономики и засилья в ней крупного землевладения, не был связан с предпринимательской деятельностью, наподобие буржуазии западных стран, а имел источник своего благосостояния в связях с государственным аппаратом, представляя собой зависимый от государства средний класс. Поэтому, заключает Рок, движение за политические перемены, которое олицетворяли радикалы, было лишено программы структурных преобразований и ограничивалось требованиями перераспределения в рамках существующей системы⁹⁰. Радикализм был «консервативным народным движением», а не партией социальной и аграрной реформы⁹¹.

До 1930 г., считает Рок, существовал широкий консенсус между интересами землевладельческой элиты и городским средним классом о необходимости поддержания агроэкспортной экономики. Это вело к значительной народной поддержке таких черт традиционной политики как свободная торговля. Ничего удивительного, замечает Рок, что ГРС поддерживал агроэкспортные интересы и отвергал любые шаги в сторону индустриализации⁹².

Отсутствие принципиальной разницы между консерваторами и правительством Иригойена Рок объясняет социальным обликом радикализма как коалиции землевладельцев и непромышленного среднего класса, который пользовался плодами агроэкспортной экономики и добивался лишь демократизации «общества эстанс-еро» путем политической интеграции социальных групп за преде-

лами олигархии⁹³. В этом Рок видит главное значение радикализма, призванного выражать классовый союз элиты и среднего класса⁹⁴.

Но если между городским средним классом и землевладельческой элитой не было коренной противоположности интересов, то почему пало правительство радикалов? Главную причину падения радикалов Рок видит в последствиях «Великой депрессии». Союз между землевладельческой элитой и городским средним классом был возможен в условиях экономического подъема, когда увеличение государственных расходов — главного источника благополучия среднего класса, не создавало трудностей для элиты. Напротив, в условиях кризиса, когда надо было резко сократить расходы, произошло явное расхождение их интересов, что вызвало крах радикализма как коалиции групп землевладельцев и среднего класса и привело к государственному перевороту 1930 г.⁹⁵

Концепция радикализма Д.Рока стала общепризнанной как в западной, так и в аргентинской историографии. В последующие годы не было новых оригинальных работ по истории радикализма.

* * *

В современной историографии конфликт, лежавший в основе возникновения радикализма, не рассматривается как противоречие социально-экономической структуры. Он носил, по мнению подавляющего большинства историков, исключительно надстроечный характер, касался политико-институционной сферы. Возможная альтернатива выносится за рамки агроэкспортной экономики и жестко привязывается к индустриализации. Ход рассуждений следующий. Если бы в Аргентине возникла промышленная буржуазия, чьи интересы противоречили крупным землевладельцам, тогда радикалы, выражавшие устремления этой буржуазии, вступили бы в конфликт с консерваторами. Поскольку конфликта такого рода не было, то и взаимоотношения между ними не носили антагонистического характера и радикализм не нес с собой альтернативу существующему строю. Как и консерваторы, радикалы не делали структурных преобразований, а стремились лишь интегрироваться в господствующую систему, занять «место под солнцем». Конфликт между ними касался вопросов перераспределения, носил поверхностный характер, не затрагивал основ агроэкспортной экономики. ГРС никогда не олицетворял классическую буржуазную револю-

цию наподобие европейских, так как в Аргентине отсутствовал альтернативный традиционной структуре экономической базис.

В основе этой концепции лежит взгляд на агроэкспортную экономику как на нечто неизменное от начала до конца, которая обладала врожденной тенденцией концентрировать власть и богатство в руках земледельческой олигархии. Хотя и признается зависимый агроэкспортный статус аргентинской экономики, однако в определении конкретного пути ее развития приоритет отдается внутренним условиям, что, на первый взгляд, кажется бесспорным, учитывая тот факт, что в результате войны за независимость Аргентина стала независимым суверенным государством. Согласно этому взгляду, сохранение и упрочение латифундизма во второй половине XIX в. прямо вытекало из проводившейся этим государством политики. При таком подходе вне поля зрения историков остается другой путь развития – фермерский.

Бесспорно, что аграрная специализация создала специфическую форму социально-политического развития, однако это вовсе не предполагало ее безальтернативного характера, так как такой тип развития не всегда вел к латифундизму. Было время, когда действовали условия, ведущие к фермерскому пути. Если сама агроэкспортная экономика на определенном этапе развития не имела альтернативы, то альтернативными были пути ее формирования и, соответственно, конечные социально-экономические результаты: торжество фермерского или латифундистского типа аграрной эволюции.

Различение двух видов агроэкспортной экономики позволяет выйти за жесткие рамки безальтернативной модели и искать предпосылки для самостоятельного национального развития в самом типе капиталистического развития, который восторжествовал в Аргентине после войны за независимость. Специфический характер аргентинской модели был заложен уже в самом ее генезисе, а именно в специфическом соотношении экзогенных и эндогенных факторов, решающем значении внешнего фактора. Таким образом, изначальный стимул шел извне обуславливая как скачкообразное ускорение развития, так и глубокие кризисы. Именно в период кризисов, которые создавали альтернативные ситуации, своеобразные исторические развилки, страна могла свернуть на путь, ведущий к экономической независимости.

Первый такой кризис был в 1890–1893 гг. Он произошел в период превращения Аргентины из скотоводческой в аграрную.

страну с многоотраслевым сельским хозяйством. Объективной основой наличия существенно отличных возможностей для последующего развития страны является альтернативный характер аграрной эволюции Аргентины в последней трети XIX в., заключавшийся в том, что завершение становления агроэкспортной экономики могло пойти двумя возможными путями: либо латифундистским, либо фермерским. Выбор пути определялся целым комплексом как внутренних, так и внешних условий. Причем если первые, обусловленные господством олигархии, благоприятствовали, латифундистскому пути, то вторые — фермерскому. Решающее значение имели внешние факторы, которые не позволяли латифундистам вплоть до начала XX в. использовать свою монополию на землю и власть для организации новой системы хозяйствования, которая сняла бы экономическое противостояние земледелия и скотоводства, экономически подчинив земледелие скотоводству, а фермера — эстансьеро.

Вместе с тем наличие альтернативного характера аграрной эволюции не означало, что аграрный вопрос был главным вопросом общественной жизни в стране, где численно небольшое население сочеталось с обилием неосвоенных земель. Аграрная проблема существовала и в Аргентине, но имела прежде всего политический аспект, так как обилие неосвоенных государственных земель было недоступно для массы потенциальных фермеров из-за сознательной политики олигархии, которая затрудняла им доступ к земельной собственности. Соответственно главное средство ее решения находилось не в сфере социальных отношений, а в политической области.

В Аргентине задачей общенационального характера, нерешенность которой и составляла главное препятствие на пути быстрого буржуазного развития страны, являлась ликвидация олигархического режима и установление политической демократии. Буржуазно-демократическая республика обеспечила бы наилучшие условия для развития многоотраслевого сельского хозяйства на базе фермерских хозяйств, создания на этой основе емкого внутреннего рынка — основы для последующей индустриализации. Американский путь аграрной эволюции заложил бы прочные социально-экономические основы для торжества либеральной демократии, в борьбе за которую и родилась радикальная партия.

ГРС выдвинул программу социально-экономических и политических преобразований (лишение латифундистов финансовой под-

держки, что в условиях кризиса неминуемо вело к их разорению; передачу земли колонистам небольшими участками с условием ее заселения и обработки; запрещение аренды; изменение конституции на принципах строго соблюдения разделения властей и создания эффективной системы сдержек и противовесов сильной президентской власти; ответственность чиновников за нарушение свободы выборов), которая, будь она претворена в жизнь, означала бы в конкретно-исторических условиях Аргентины начала 1890-х годов, осуществление революции с целью установления буржуазно-демократического режима и торжества фермерского пути аграрного развития.

Однако в Аргентине не могло быть классической буржуазной революции. Аргентинский пример позволяет заключить, что нет жесткой привязанности как возникновения революционной ситуации к зрелости экономической основы революции, так и начала революционного выступления к зрелости всех компонентов революционной ситуации. В Аргентине при частичном и промежуточном экономическом конфликте именно внешний фактор — мировой — мировой экономический кризис — создал экономическую возможность революции. А неспособность олигархического режима справиться с ним, обострение положения всех классов в результате проведения «антикризисной» политики породили политический кризис общенационального масштаба без того, чтобы окончательно созрел кризис низов в общенациональном масштабе.

Такой специфический характер генезиса революционного движения исключал саму возможность буржуазно-демократической революции и вел либо к верхушечной революции, либо к революции сверху. Выбор не детерминировался социально-классовой структурой страны. Хотя в социальном плане появились новые общественные классы и слои: пролетариат, фермерство, городская мелкая буржуазия, зачатки собственно промышленной буржуазии, — все они находились в эмбриональном состоянии. Как и экономический конфликт, противоречие между олигархией и новыми общественными классами было еще далеко от зрелости. Вместе с тем сама по себе неспособность национальной буржуазии, которой по существу еще не было, возглавить демократические преобразования не вела автоматически к всевластию олигархии. Последнее было связано с процессами, развернувшимися внутри самого господствующего класса в последней трети XIX в.

Переходный характер аргентинской экономики и общества не мог не отразиться на самой олигархии как социально-классовой категории. Постепенно исчезали традиционные сферы ее предпринимательской деятельности, связанные с саладерос. Новые, вызванные к жизни эпохой фригорификов, появились позднее, в начале XX в. В этот переходный для господствующего класса период не могли остаться прежними сам состав олигархии, ее социальные рамки.

Кризис усилил дифференциацию олигархии на слои и группы, экономические и политические интересы, которые во многом не совпадали, что вело к возникновению существенных и обостряющихся противоречий между этими группами и создавали основу того, что оппозиционные правящему режиму фракции господствующего класса могли поддержать революционные меры, направленные на перевод Аргентины на буржуазно-демократический путь развития.

Если революционные преобразования не могли начаться без социальной гегемонии оппозиционных групп олигархии, то на политическое руководство этой гегемонии с самого начала претендовала демократическая интеллигенция. Такое несоответствие ее политического выражения глубинной классовой сущности и создавало возможность либо верхушечной революции, либо революции сверху.

Сложность выбора заключалась в том, что его должен было сделать ГРС — организация, в которой сталкивались объединенные, но внутренне разнородные течения — умеренное течение оппозиционных групп олигархии и радикальное течение мелкобуржуазной интеллигенции. Демократическое движение создавалось и поддерживалось благодаря политическому союзу обоих течений, но этот блок постоянно раздирали разногласия: вначале они носили зародышевые формы организационных и тактических споров, но по мере углубления революционного кризиса неизбежно должны были отлиться в принципиальные разногласия. Это обусловило поражение революционных выступлений 1890–1893 гг. и сохранение олигархического режима.

Неудача тяжело отразилась на радикальной партии. В 1896 г. ее основатель и лидер Л.Алем покончил жизнь самоубийством, а вскоре и сам ГРС распался и временно прекратил свое существование. Начавшееся с первых лет XX в. бурное развитие мясохладобойной промышленности привело к торжеству латифундист-

ского пути становления агроэкспортной экономики. Победа лати-фундистской альтернативы сняла противостоящую ей возможность фермерского пути и альтернативная ситуация исчерпала себя.

В 1904 г. И.Иригойен восстановил ГРС на принципах неприимости к олигархическому режиму. Восторжествовавший консервативный путь аграрной эволюции лишил радикализм широкой социальной базы и не позволил окончательно решить альтернативу: демократия или олигархия. Хотя закон 1912 г. о всеобщем избирательном праве и положил начало установлению в Аргентине демократического режима власти, однако переход к политической демократии осуществлялся в рамках господствующей социально-экономической структуры, что определило ее обратимый характер.

С наступлением эпохи империализма Аргентина вновь оказалась перед историческим выбором. Первая мировая война, мировой экономический кризис 1929–1933 гг. и последовавшая за ним депрессия, вторая мировая война ослабили традиционные формы зависимости Аргентины от империалистических стран и создали предпосылки для перехода страны на путь национально-капиталистического развития, известного как третий путь.

В историографии идеология и политика третьего пути традиционно связывается с перонизмом. Вместе с тем ряд его черт, причем весьма существенных, проявился ранее, в период деятельности президента Аргентины Иполито Иригойена (1916–1922 и 1928–1930). Не в последнюю очередь это касается внешней политики. Именно международная позиция лидера аргентинских радикалов позволяет говорить о зарождении третьей позиции еще в период первой мировой войны.

Отношение к трем важнейшим событиям того времени — самой войне, Версальской системе и Советской России — определяет содержание третьей позиции Иригойена.

Придя к власти в самый разгар войны, Иригойен, несмотря на сильное давление как внутри страны, так и вне ее, не позволил втянуть Аргентину в войну. По его глубокому убеждению мировая война противоречила национальным интересам Аргентины. В самом факте нейтралитета не было ничего необычного. Из всех государств тогдашнего мира далеко не одна Аргентина оставалась нейтральной.

В отличие от других стран нейтралитет Аргентины не был пассивным. Аргентинский президент постарался превратить его в оружие перестройки международных отношений. Конкретно речь шла

о межамериканских отношениях. Перед лицом давления великих держав Иригойен попытался объединить вокруг аргентинской позиции оставшиеся нейтральными латиноамериканские страны. С этой целью планировался созыв Конгресса нейтралов в Буэнос-Айресе в январе 1918 г. На конгрессе предполагалось выработать совместную позицию латинской части американского континента в отношении войны и послевоенного устройства. Иригойен был убежден, что в противном случае победители не посчитаются с законными устремлениями и национальными интересами латиноамериканских стран.

Паниспаноамериканизм Иригойена, как стали называть позицию аргентинского президента, вступал в явное противоречие с панамериканизмом США. Под давлением последних конгресс не состоялся. Единственная страна, приславшая делегацию в Буэнос-Айрес, была Мексика.

По окончании войны Иригойен занял самостоятельную позицию по отношению к проблемам послевоенного устройства. Первоначально аргентинское правительство поддержало предложение президента США В.Вильсона о создании Лиги Наций. Но Лиги Наций независимой от Версальской системы. С самого начала Иригойен мыслил ее как инструмент международного мира, а не как орудие в руках победителей для его нового передела. Отсюда его идея Лиги Наций как универсальной международной организации, объединяющей все суверенные государства, без деления их на победителей и побежденных. Соответствующее предложение аргентинская делегация внесла на Женевской конференции по созданию Лиги Наций. После того как оно было отклонено, делегация по настоянию Иригойена покинула конференцию. По существу этим шагом аргентинский президент дал понять, что не принимает новый мировой порядок, установленный победителями.

Не разделял он и их отношения к Советской России. Аргентина не приняла участие в блокаде, хотя приглашение к этому со стороны союзников аргентинское правительство получило. Когда же после гражданской войны в Советской России разразился голод, Иригойен внес в Конгресс законопроект о помощи русскому народу путем предоставления беспроцентного кредита в 5 млн. песо, «который эта страна погасит, когда сможет»⁹⁶.

Все вышесказанное позволяет поставить следующий вопрос. А как расценивало политику Аргентины советское руководство? Надо сказать, что в Москве не сразу о ней узнали. В условиях бло-

кады и гражданской войны информация из Аргентины была крайне скупой и противоречивой. Прибывшие на второй конгресс Коминтерна представители Федерации российских рабочих организаций в Южной Америке М.Комин-Александровский и М.Машевич положение в Аргентине анализировали с точки зрения перспективы социалистической революции. А под таким углом зрения внутренняя политика Иригойена была безусловно контрреволюционной. Международная же политика лидера радикалов осталась вне их поля зрения.

О последней в Москве узнали позднее, в 1922 г. И связано это было с пребыванием советской делегации на Генуэзской конференции. В Генуе нарком иностранных дел Г.В.Чичерин встречался и беседовал с аргентинцами разных политических взглядов. В результате этих встреч и бесед он смог составить достаточно полное и объективное представление о международной позиции Аргентины. Свои выводы, а также предложения в отношении Аргентины Чичерин изложил в письме в Политбюро ЦК РКП.

Чичерин выделяет следующие главные моменты аргентинской политики. Это выход страны из Лиги Наций и ее противодействие англо-французской гегемонии. Неприятие Аргентиной Версальской системы в сочетании с аналогичной позицией в отношении панамериканизма. В связи с последним обстоятельством Чичерин отмечает «особую роль Аргентины в мировой политике, которая заключается в том, что при экспансии США в Южной Америке Аргентина стоит во главе борьбы против этой экспансии».

Аргентинскую политику Чичерин расценивает как очень благоприятную для Советской России и в случае ее признания Аргентиной предлагает послать в Буэнос-Айрес полпреда. Эффект будет очень большой, заключает нарком⁹⁷.

Интересно отметить, что впервые в документах советских официальных лиц необходимость установления отношений с Аргентиной мотивировалась не важностью этой страны как торгового партнера для России и не геополитическим положением Аргентины как ключа к Южной Америке, хотя все эти соображения несомненно оставались в силе, а политикой правительства этой ведущей латиноамериканской страны. Политикой независимой и во многом созвучной советской позиции. Именно поэтому установление отношений между двумя странами имело бы такой большой международный резонанс.

Последующее развитие событий не пошло по этому пути. Письмо Чичерина совпало с последними месяцами пребывания Иригойена в президентском кресле. А его преемник М.Т.Альвеар, хотя и принадлежал к партии радикалов, вовсе не собирался продолжать политику своего предшественника. Но даже не это главное. Дело в том, что многочисленные проекты реформ, которые предлагал Иригойен, так и остались на бумаге. Его политика межклассового лавирования, проведения своеобразного bonaпартистского курса потерпела крах и привела к расколу в самой правящей партии радикалов. В стране, где отсутствовало сложившееся национально-капиталистическое ядро, по-другому и не могло быть.

Начинать распутывать сложный узел аргентинских проблем нужно было не изнутри, а извне. Почему? Своеобразие положения Аргентины заключалось в том, что, хотя она и была самой богатой и развитой страной Латинской Америки, она не являлась самостоятельной экономической единицей, а представляла собой часть расширенного воспроизводства экономики Великобритании, являясь неформальной частью Британской империи. До тех пор пока Англия оставалась центром мировой капиталистической системы политика аргентинского государства не могла выйти за рамки господствующей структуры, хотя и не исключало в отдельные периоды конфликтов между двумя странами.

Положение изменилось, когда центр мирового капитализма переместился в США. Со времени первой мировой войны началась экспансия американского капитала в Аргентину. В 20-е годы сложилось своеобразное положение. Англия уже утратила свое монопольное положение в аргентинской экономике, а США его еще не приобрели. Именно такое промежуточное положение, а также появление нового фактора в международной политике — Советского Союза — создало возможность для проведения политики структурных преобразований.

Реализация же этой возможности зависела уже от внутренних факторов: как от соотношения общественных сил в самой Аргентине, так и от понимания политической элитой задач нового этапа развития страны. А то, что новый этап был необходим, показала первая мировая война, продемонстрировавшая уязвимость агроэкспортной модели аргентинской экономики. Дальнейшее развитие Аргентины требовало перехода к индустриализации, а последняя была немыслима без нефти.

Вопрос о судьбе аргентинской нефти стал поэтому центральным в общественно-политической жизни страны в конце 20-х годов, в годы 2-го президентства Иригойена. Сторонники Иригойена — радикалы-персоналисты — выдвинули требование национализации нефти. Иригойен предлагал не просто объявить национальным достоянием нефтяные месторождения, но и установить государственную монополию на ее добычу, переработку и сбыт. Поскольку в стране действовали английские и американские нефтяные компании предусматривалась их национализация с выплатой компенсации.

Предложения Иригойена выходили за рамки обычной реформы. По существу речь шла о серьезном структурном преобразовании, которое могло иметь многообразное влияние, как на экономику, так и политику страны в целом.

Во-первых, нефтяные предложения Иригойена давали всей его программе тот стержень, которого так не хватало ей в годы его первого президентства. Они позволяли обеспечить общенациональную поддержку его политике. В то же время они подводили под нее солидную финансовую базу, в виде доходов от нефти, делая ее относительно независимой от господствующих классов. Одновременно государственная нефтяная монополия давала правительству мощное средство для влияния на всю экономику учитывая возрастающую роль нефти и отсутствие в стране значительных запасов каменного угля.

Во-вторых, нефтяная монополия стала бы рычагом для вывода Аргентины за рамки агроэкспортной модели, поскольку создание государственной нефтяной промышленности увязывалось Иригойеном с развитием гидроэнергетики и государственной железнодорожной сети во внутренних провинциях для связи с соседними странами.

По существу, Иригойен планировал создать собственную топливно-энергетическую базу и инфраструктуру, что заложило бы прочное основание для проведения в последующем собственно индустриализации.

В то же время развернувшаяся борьба вокруг нефтяного проекта Иригойена лишь углубила намечавшийся еще ранее раскол в политическом сообществе страны. Дело в том, что противодействие политике Иригойена отбрасывало не только правых, но и левых в лагерь его противников. По существу, по отношению к нефтяному проекту Иригойена, эти понятия — правые/левые — теряли

своей привычный смысл, поскольку все оппозиционные Иригойену силы оказывались правее лидера радикалов. Тем самым фактически партия Иригойена давала новое начало радикализму как общенациональному поликлассовому движению.

И, наконец, последнее. Каким путем намеревался Иригойен претворять в жизнь свои предложения?

Предложения Иригойена необходимо рассматривать и в исторической ретроспективе. Индустриализация все равно началась. Но пошла по иному пути. Политика импортзамещения не базировалась на прочном национальном фундаменте, а потому очень скоро уперлась в прогрессирующую зависимость аргентинской промышленности от импорта топлива и энергии. В конце концов эти проблемы Аргентине все равно пришлось решать, но уже в неблагоприятных для страны условиях.

Правомерен вопрос. А в рассматриваемый период эти два условия были благоприятными? Думается, что относительно благоприятными их можно назвать, учитывая сохранившиеся серьезные англо-американские противоречия и появление на аргентинском рынке нового фактора — акционерного общества «Южамторг», созданного для развития торговли СССР со странами Южной Америки. Последнее обстоятельство имело решающее значение в момент национализации нефти.

Действительно, какой смысл имел нефтяной проект Иригойена, если на следующий же день после национализации нефтяные монополии объявили бы бойкот Аргентине, учитывая тот факт, что страна лишь наполовину удовлетворяла собственные потребности в нефти. Необходим был альтернативный источник нефтеснабжения, не подвластный контролю международных нефтяных монополий. Таким источником мог стать только СССР, тем более что Южамторг уже начал продавать советский бензин в Буэнос-Айресе. Так появилось соглашение о прямом торговом обмене советской нефти на аргентинскую сельскохозяйственную продукцию⁹⁸. Тем самым нефтяной проект Иригойена обретал практическое основание.

Одновременно с задействованием советского фактора планировалось получить поддержку и с другой стороны. Иригойен намеревался использовать господствующие классы для реализации своих планов. Нефть не занимала важного места в системе интересов британского капитала и тесно связанной с ним аргентинской олигархии, чьи интересы находились преимущественно в агроэк-

портной экономике. Кроме того, лидирующее положение в нефтедобыче занимал американский капитал, что только усиливало традиционное англо-американское соперничество. Национализация нефти затрагивала интересы прежде всего американского капитала, с которым серьезные торговые противоречия имела и олигархия, поскольку США закрывали доступ аргентинскому мясу на американский рынок.

В этих условиях Иригойен постарался представить себя не только защитником национального суверенитета, но и поборником интересов господствующих классов. Поэтому правительство активно поддержало выдвинутый Сельскохозяйственным обществом лозунг «покупай у тех, кто покупает у нас». В конце 1929 г. с Англией было заключено торговое соглашение. Аргентина обязалась значительно увеличить свои закупки промышленной продукции на британском рынке в обмен на экспорт в Англию аргентинских сельхозтоваров.

В историографии это соглашение традиционно рассматривается как свидетельство проанглийской ориентации Иригойена, как подтверждение того, что у радикалов отсутствовали серьезные намерения изменить агроэкспортный характер экономики, провести структурные преобразования. Действительно, в результате этого соглашения на аргентинский рынок был открыт доступ британским товарам, в частности текстилю, что вызвало негативную реакцию Промышленного союза. Но не это было главным в соглашении.

Думается, что так называемую пробританскую политику Иригойена следует рассматривать в контексте его нефтяного проекта, как одно из важнейших средств, как способ движения страны к основам экономической самостоятельности. Ведь по этому соглашению Англия должна была поставить Аргентине оборудование и материалы для создания нефтяной промышленности и строящихся государственных железных дорог, то есть способствовать выполнению намеченных Иригойеном планов. Иными словами выбор приоритетов экономического развития определял внешнеэкономический и политический курс.

Свержение Иригойена в результате военного переворота 1930 г. поставило, крест на всех его начинаниях и закрыло путь к развитию едва наметившейся тенденции к независимому развитию Аргентины.

* * *

Подведем итоги. радикализм, взятый в широкой исторической перспективе, рассматриваемый как понятие не статическое, а динамическое, предстает как сложное явление общественно-экономической и политической жизни Аргентины, в котором выделяются два периода, связанные с двумя различными этапами исторического развития Аргентины.

Социально-экономические задачи и классовое содержание радикализма определялись как внутренними условиями Аргентины, так и характером эпохи, в которую оно происходило. В конце XIX в. его главное социальное содержание сводилось к решению буржуазно-демократических задач. В этот период движение радикалов объективно расчищало путь для развития капитализма по американскому пути и радикальная партия представляла собой демократическое крыло либерализма.

В начале XX в. радикализм возродился под знаменем борьбы с олигархией, но логика борьбы вела его к противостоянию с империализмом. В 1920-е гг. ясно обозначалась тенденция превращения ГРС в антиимпериалистическое движения. В этот период идейно-политическая деятельность Иригойена преследовала цель включить в радикализм ряд идей антиимпериализма и социальной справедливости. Однако определение социальной ориентации ГРС, являясь не одномоментной и бесповоротной акцией, а результатом противоречивых процессов, прогрессивных движений и попятных шагов, было прервано военным переворотом 1930 г. и последовавшей вскоре смертью Иригойена. ГРС остался в орбите либеральной политики, не смог ответить на вызов времени и утратил ведущие позиции в политической жизни страны, открыв тем самым путь для появления перонистского движения.

¹ Levene R. Lecciones de historia argentina. T.I–II. Buenos Aires. 1933. Это 15-е издание было переведено на английский язык и издано в США под названием: Levene R. A history of Argentina. Chapel Hill, 1937. (сноски даются на данное издание).

² Kirkpatrick F.A. A history of the Argentine Republic. Cambridge Univ. press. 1931.

³ Levene R. Op. cit. P.525.

⁴ Kirkpatrick F.A. Op. cit. P.204.

⁵ Ibid. P.215.

⁶ Levene R. Op. cit. P.509.

- ⁷ Kirkpatrick F.A. Op. cit. P.225–226.
- ⁸ Levene R. Op. cit. P.507.
- ⁹ Kirkpatrick F.A. Op. cit. P.220.
- ¹⁰ Levene R. Op. cit. P.511.
- ¹¹ Kirkpatrick F.A. Op. cit. P.223.
- ¹² Levene R. Op. cit. P.516.
- ¹³ Kirkpatrick F.A. Op. cit. P.227.
- ¹⁴ Цит. по: Rock D. *Authoritarian Argentina*. Berkley, 1993. P.118.
- ¹⁵ Имеется в виду битва при Монте-Касерос 3 февраля 1852 г., в результате которой были разбиты войска Х.М.Росаса, а сам диктатор бежал из страны.
- ¹⁶ Национализм в Латинской Америке. М., 1976. С.280.
- ¹⁷ Штрахов А.И. *Война за независимость Аргентины*. М., 1976. С.33–36.
- ¹⁸ Garcia Mellid A. *Proceso al liberalismo argentino*. Buenos Aires, 1964. P.10; Palacio E. *Historia argentina. 1515–1976*. Buenos Aires, 1984. P.328, 449, 528.
- ¹⁹ Palacio E. Op. cit. P.569.
- ²⁰ Так официально называли Росаса его сторонники.
- ²¹ Ibid. P.328.
- ²² Ibid. P.631.
- ²³ Ibid. P.643.
- ²⁴ Ibid. P.637.
- ²⁵ Ibid. P.658.
- ²⁶ Ibid. P.654.
- ²⁷ Gandia E. *La revision de la historia argentina*. Buenos Aires. 1952. P.25.
- ²⁸ Ibid. P.28.
- ²⁹ Lopez V.F. *Historia de la Republica Argentina*. T.VIII. *Ampliada desde el descubrimiento hasta nuestros dias*por Enrique de Gandia. Buenos Aires, 1957. P.463.
- ³⁰ Ibid. P.456.
- ³¹ Ibid. P.460.
- ³² Ibid. P.463.
- ³³ Ibid. P.467.
- ³⁴ Ibid. P.468.
- ³⁵ Ibidem.
- ³⁶ Ibidem.
- ³⁷ Ibid. P.476.
- ³⁸ Блинов Я.Г. Перонизм – наиболее влиятельное националистическое течение. – *Современная Аргентина: вопросы экономики, политики, идеологии*. М., 1986. С.167–197; Шемякин Я.Г. Идеология национализма – важный фактор в борьбе различных альтернатив развития Аргентины. – Там же. С.132–166.

- ³⁹ Hernandez Arregi J.J. La formación de la conciencia nacional. Buenos Aires, 1960. P.190.
- ⁴⁰ Abelardo Ramos J. Révolution y contrarévolution en la Argentina. Buenos Aires, 1961. P.265. Под «национальной революцией 1880» имеется в виду федерализация Буэно-Айреса, что стало завершением национально-государственного объединения Аргентины.
- ⁴¹ Ibid. P.155.
- ⁴² Spilimbergo J.E. El Radicalismo Historia critica (1890–1974). Buenos Aires, 1974. P.37.
- ⁴³ Abelardo Ramos J. Op. cit. P.157.
- ⁴⁴ Ibid. P.261.
- ⁴⁵ Ibid. P.224.
- ⁴⁶ Ibid. P.316.
- ⁴⁷ Ibid. P.327–328.
- ⁴⁸ Ibid. P.341.
- ⁴⁹ Строганов А.И. Националистические оценки этапов формирования аргентинского промышленного пролетариата – Социально-экономическая структура Аргентины. М., 1984. С.249–250.
- ⁵⁰ Abelardo Ramos J. Op. cit. P.330.
- ⁵¹ Ibidem.
- ⁵² Puiggros R. El Yrigoyenismo. Buenos Aires, 1965. P.215.
- ⁵³ Puiggros R. Historia critica de los partidos politicos. Buenos Aires, 1956. P.314.
- ⁵⁴ Puiggros R. El Yrigoyenismo. P.80–81.
- ⁵⁵ Puiggros R. Historia critica... P.147.
- ⁵⁶ Ibid. P.123.
- ⁵⁷ Abelardo Ramos J. El partido comunista en la politica argentina. Su historia y su critica. Buenos Aires, 1962; Puiggros R. Las izquierdas y el problema nacional. Buenos Aires, 1967.
- ⁵⁸ Казаков В.П. Общенациональный кризис 1890–1893 гг. в Аргентине: истоки и последствия. М., 1998. С.293, 294–295.
- ⁵⁹ Justo J. El socialismo argentino. Buenos Aires, 1915. P.29.
- ⁶⁰ Historia del socialismo marxista. Origen del Partido Socialista Internacional. Buenos Aires, 1919. P.4.
- ⁶¹ Международное рабочее движение. 1929. № 7. С.20.
- ⁶² Танин М. Америка на мировой арене. М., 1927. С.128, 132, 140–141; Наумов Г. Промышленное развитие колониальных стран. М., 1930. С.3–4; 14–15; 120–128.
- ⁶³ Моджинская Е. Экономический кризис и политический переворот в Аргентине. – Мировое хозяйство и мировая политика. 1931. № 2–3. С.103, 105, 106.
- ⁶⁴ Синани Г. Конец капиталистической стабилизации, революционный подъем, состояние и задачи компартий ЮКА. – Проблемы Южной и Карибской Америки. М., 1934. С.250, 251, 270.

- ⁶⁵ Синани Г. Социально-экономическая структура и характер революции в странах Южной и Караибской Америки. – Там же. С.19, 20.
- ⁶⁶ Sommi L.V. Hipólito Yrigoyen. Su época y su vida. Buenos Aires, 1947; idem. La revolución del 90. Buenos Aires, 1948.
- ⁶⁷ Sommi L.V. La revolución del 90. P.237, 238.
- ⁶⁸ Paso L. Historia del origen de los partidos políticos en la Argentina. 1810–1918. Buenos Aires, 1974. P.367.
- ⁶⁹ Ibid. P.384.
- ⁷⁰ Очерки истории Аргентины. М., 1961. С.87–96; 124–137; 140–141; 145–153; 225–228; Капитализм в Латинской Америке. М., 1983. С.8–12; Романова З.И. Развитие капитализма в Аргентине. М., 1985. С.47–51; 52–65; 91–93; Compendio de historia argentina. Buenos Aires, 1982. P.116–117, 258–265; Paso L. Elementos de la evolución histórica argentina. Buenos Aires, 1988. P.41, 50, 55.
- ⁷¹ Compendio de historia argentina. P.287; Paso L. Historia de los partidos políticos en la Argentina. 1900–1930. Buenos Aires, 1983. P.104, 119, 157.
- ⁷² Compendio de historia argentina. P.323, 334; Paso L. Elementos de la evolución... P.56, 62; idem. Los últimos 55 años y el poder de la oligarquía. Buenos Aires, 1986. P.90.
- ⁷³ Rennie Y.F. The Argentine republic. New York, 1945. P.204–222; Pendle G. Argentina. London–New York, 1955. P.56–73; Whitaker A.P. The United States and Argentina. Harvard Univ. press, 1954. P.39–59; Johnson J.J. Political change in Latin America. The emergence of the middle sectors. Stanford univ. press, 1958. P.94–108; Snow P.G. Argentine radical party: The history and doctrine of the Radical Civic Union. Iowa, 1965. P.29–74; Alexander R.J. An introduction to Argentina. New York, 1969. P.5–7, 34–37.
- ⁷⁴ Alexander R.J. Op. cit. P.34.
- ⁷⁵ Johnson J.J. Op. cit. P.105.
- ⁷⁶ Rennie Y.F. Op. cit. P.211; Pendle G. Op. cit. P.59; Whitaker A.P. Op. cit. P.59; Johnson J.J. Op. cit. P.102; Alexander R.J. Op. cit. P.36.
- ⁷⁷ Johnson J.J. Op. cit. P.106.
- ⁷⁸ Alexander R.J. Op. cit. P.38.
- ⁷⁹ Mazo G. del. El radicalismo: Ensayo sobre su historia y doctrina. Buenos Aires, 1951; Luna F. Yrigoyen. Buenos Aires, 1954.
- ⁸⁰ Leandro Alem. Mensaje y Destino. T.I–VIII. Buenos Aires, 1955–1957; Hipólito Yrigoyen. Pueblo y Gobierno. T.I–XII. Buenos Aires, 1956.
- ⁸¹ Germani G. Estructura social de la Argentina: Analisis estadístico. Buenos Aires, 1955; idem. Política y sociedad en una época de transición: De la sociedad tradicional a la sociedad de masas. Buenos Aires, 1962.
- ⁸² Gallo J. (h) y Sigal S. La formación de los partidos políticos contemporáneos: La UCR (1890–1916). – Argentina, sociedad de masas. / Di Tella T.S., Germani G. Graciarena J. etc. / Buenos Aires, 1966. P.124–171.
- ⁸³ Smith P.H. Politics and Beef in Argentina. Patterns of conflict and change. Columbia univ. press, 1969. P.131, 132, 252.

⁸⁴ Ibid. P.131.

⁸⁵ Smith P.H. Los radicales argentinos y la defensa de los intereses ganaderos. 1916–1930. – Desarrollo economico. Buenos Aires, 1967. Vol.7. N 25. P.803–805.

⁸⁶ Smith P.H. Politics and Beef... P.131.

⁸⁷ Rock D. Politics in Argentina. 1890–1930. The rise and fall of radicalism. Cambridge univ. press, 1975; idem. Radical populism and the conservative elite. 1912–1930. – Rock D. (Ed.). Argentina in the twentieth century. London, 1975; idem. Argentina. 1516–1982. London, 1986. P.161.

⁸⁸ Rock D. Politics in Argentina. P.279, 288.

⁸⁹ Ibid. P.18.

⁹⁰ Rock D. Argentina. P.161.

⁹¹ Rock D. Politics in Argentina. P.271.

⁹² Rock D. Radical populism and the conservative elite. P.68.

⁹³ Rock D. Politics in Argentina. P.18.

⁹⁴ Ibid. P.41.

⁹⁵ Rock D. Radical populism and the conservative elite. P.80–81.

⁹⁶ Galvez M. Vida de Hipolito Yrigoyen. Buenos Aires, 1951. P.225.

⁹⁷ АВП РФ. Ф.04. Оп.52. П.342. Д.55314. Л.4.

⁹⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.162. Д.10. Л.182–184.